

Великая чума

ЛИТЕРАТУРНЫЕ СТРАНИЦЫ

Ее лицо заметал снег. Брови, когда-то черные, превратились в два тонких белых перышка, а волосы подернулись инеем, будто сединой.
— Марин!

Она лежала на горе других мертвецов, брошенная, как и все, в подворотню. Хорошенько не успевали. Даже дворян. Наследница замка Шинон уравниена с крестьянкой. Чуме безразлично.

Почему он не вернулся раньше! А если бы вернулся? Что он мог бы сделать? Чума не опасна для него, но не для нее.

Этьен осторожно провел ладонью по ее щеке. Холодна. Снегурочка... Лунный свет на его руке. Тонкое серебряное кольцо сверкнуло на пальце.

Там, за епископским дворцом, по замерзшей Сене мела поэмка, и Нотр-Дам белел в лунном свете, как снежный замок. Воздух пропитан дымом, увы, не спасающим от чумы.

Этьен покидал Париж. Его путь лежал в деревеньку Банье, что неподалеку от аббатства Сен-Жермен-де-Пре.

Невысокий холм был полностью покрыт снегом. Стволы заснеженных деревьев чернели на фоне рассвета, густого, как бордоское вино. Крыши под снегом. И ни одного дыма.

Литой крест у дороги. Как кружево. Первый луч солнца сквозь литье. Церковь святого Эрмелана почти не отличалась от богатого деревенского дома. Та же двускатная крыша, стены из желтоватого песчаника, а маленькие узкие окна напоминают бойницы. Построена века два назад и среди многочисленных деревенских церквей выделяется только именем. Нотр-Дам-де... Подставить название деревни. Здесь — «Святой Эрмелан».

Этьен хорошо помнил, как ее строили. И священника отца Дидье. Калитка в ограде оказалась не заперта. Маленькое кладбище при церкви.

Этьен прошел мимо надгробий к высокой дубовой двери. Церковь жила. Не затхлый запах покинутого дома — дым свечей, тепло плавящегося воска. Скромная обстановка. Беленые, не расписанные стены. Деревянная скульптура Мадонны над чашей со святой водой.

Этьен преклонил колени и коснулся пола рукой.

Отец Дидье молился у алтаря. На звук шагов он обернулся. Пожилой, с острым носом и глубоко посаженными глазами. Седина обрамляет тонзуру, постепенно пре-вращающуюся в лысину.

— Этьен, рад тебя видеть. — Немного устало, но без всякого удивления.

Священник поднялся с колен. «Очень сдал за последний год», — подумал Этьен. Отец Дидье вовсе не был аскетом. Снисходительно относился к грехам паствы и пил вино на деревенских свадьбах. Теперь — сухой выцветший старик.

— Пойдем в дом, Этьен. Что, постарел?

Гость не решился возражать, кивнул.

— Что вас мучает, святой отец? — спросил он, когда они уже сели за стол в домике священника.

— Теодицея, — усмехнулся тот.

— Святой усомнился в справедливости Божьей?

— Ну, какой я святой!

— Не отрицайте очевидного.

— Очевидного не существует. Господь дарует долгую жизнь. Но зачем? Может быть, только для того, чтобы нас испытывать? С чего ты взял, что это признак святости?

— Не огорчайте меня, святой отец. Я пришел из города. Может быть, я принес чуму. Но пришел только потому, что знаю, что для святых она не опасна.

— Чума уже была здесь. — Голос священника прозвучал глухо, как похоронный колокол. — Мы одни в Банье, эльф. Здесь больше никого нет.

— Что ж, значит, некого бояться.

И Этьен снял с пальца серебряное кольцо. Положил на стол рядом с кособокой бутылкой недорогого вина. И священник увидел его лицо. Слишком красивое. Сли-

ком выдающее расу. Слишком большие, чуть раскосые глаза, слишком тонкий нос, слишком яркие светлые волосы. Эльфа не спутаешь с человеком, только если он не отводит глаза.

— Ты разлюбил людей, Этьен. Тебе надо исповедаться.

Эльф усмехнулся:

— Мне ли? Мой дед принял крещение вместе с Хлодвигом, мой отец воевал с Шарлеманем, мой дядя был епископом и оставался католиком на катарском юге. Никто тогда не сомневался в его вере! Мы жили среди людей: лечили, строили храмы, сочиняли баллады, с мечом в руках защищали их государей. А теперь нас обвиняют в том, что мы вызвали чуму.

— Да, не один я мучаюсь теодицеей! — горько вздохнул священник. — Чтобы оправдать Бога, легче всего обвинить кого-то другого!

— Но вы-то не верите?

— Во времена моей молодости считалось, что эльфы — это непадшее человечество. Я до сих пор в это верю. Хотя, судя по тому, как ты кичишься своими предками, вы заразились от нас духовными грехами. Дай Бог, чтоб не остальными.

— Духовными? Да! У меня тоже проблемы с теодицеей.

Священник внимательно посмотрел на него.

— Марин умерла, — вымолил Этьен.

— Я мечтал вас обвенчать...

Стемнело. Священник зажег свечу. Запахло медом. Ветер запел за окном. Или не ветер?

— Этьен!.. Этьен!.. — Тихо-тихо — как вздох, как поступь снега.

— Слышишь?

Отец Дидье накиннул плащ:

— Пойдем посмотрим.

Над заснеженными полями царила полная луна. А у подножия холма, словно в озере лунного света, двигались полупрозрачные фигуры. Тихая музыка, почти неотличимая от стона ветра. То ли с небес, то ли из адских глубин.

— Мертвые водят хороводы, — сказал священник. — Моя бывшая паства. И так каждую ночь. Я не смог вывести их к Свету, но и аду они не нужны. Бесы уводят грешников, ангелы — праведников. Только они остаются, обычные люди. Они забыты.

— Этьен! — Хрупкая фигурка отделилась от остальных и поплыла к вершине холма. Она приближалась, и сквозь нее просвечивали ветви деревьев. Улыбнулась белыми губами, откинула назад темные волосы в блестящих снегах... Или это было ночное небо?

— Я нашла тебя.

Этьен шагнул к ней, коснулся ее руки. Ладонью вверх, словно приглашал на танец. На ладони сверкнуло серебряное кольцо.

— Надень.

Девушка дотронулась до кольца, и ее рука стала непрозрачной. Задержалась на его руке. Он помог ей надеть кольцо, и ветви деревьев исчезли за ее спиной. Она стояла на снегу. Почти настоящая.

— Что ты наделал! — прошептал священник.

Эльф отвел глаза, но руки девушки не отпустил.

— Святой отец, вы нас пустите?

Священник молча повернулся и зашагал к дому.

Он угрюмо сидел за бутылкой вина, пока смеющийся дух Марин де Шинон с помощью эльфа завешивал плащом угол комнаты. Потом наконец встал и сорвал плащ.

— Мы здесь только на ночь, — сказал Этьен. — А потом уйдем.

— Грешить уйдете?

— Так повенчайте нас.

— Венчают живых! Иди сюда, Этьен, садись.

Эльф сел за стол напротив старика, Марин осталась одна в глубине комнаты.

— Ты дал духу призрачную жизнь... Ну и что ты собираешься с ним делать?

— Жить.

— Не богохульствуй! То, что ты задумал, хуже кровосмешения.

— Быть может...

— Все равно рано или поздно тебе придется отпустить ее. Лишь кончится чума — и о ней вспомнят, ты не сможешь удерживать ее.

— Мне все равно пришлось бы отпустить ее, просто это произойдет на тридцать лет раньше.

Священник молчал.

— Мы уйдем, — повторил Этьен.

— Никуда я вас не пушу. Я открою для... девушки комнату прислуги. Но ты туда не войдешь.

Наступила весна. Снег сошел, обнажив желтую прошлогоднюю траву. Потянулись к солнцу лиловые крокусы и белые подснежники.

Этьен несколько раз порывался уйти, но воля святого была сильнее, и они оставались. Чума шла на убыль, и наконец они решились выбраться в город.

По улицам Ситэ шло карнавальное шествие, предводительствуемое смертью, скорее комичной, чем страшной. Она размахивала бутафорской косой и орала всем: «Покайтесь!»

Отец Дидье преклонил колени и истово покаялся. Процессия была в восторге. Хохотали бюргеры, переодетые чертями, и просто горожане в масках, не озаботившиеся пошивом более сложного карнавального костюма. Взметались искры от факелов.

Отсмеялись, полетели дальше с визгом и криками. Священник поднялся, отряхнул рясу.

— Стоит ли так искушать Господа, отче? — спросил Этьен.

— Какое это искушение по сравнению с великой чумой?

Откуда-то сверху послышался звон колокольных. Оказалось, над улицей был натянут канат. По канату шел человек в яркой одежде фигляра. Все знали этого человека — его звали Жан Мизерабль. Вот уже три века, по праздникам и воскресеньям и просто погожими вечерами он балансировал над городом на своем канате. До великой чумы подозревали, что он — святой, ставший комедиантом из смирения, а во время чумы — что колдун. Теперь же горожанам было все равно, кто он. Они просто любовались представлением. И дух Марин во все глаза смотрел вверх, прижимаясь к плечу Этьена.

Эльф поглубже надвинул капюшон. Эти бюргеры кажутся безобидными, но осторожность не помешает.

— Может быть, затем и нужна была великая чума, чтобы бюргер стал бюргером, а фигляр фигляром, — тихо проговорил священник. — Наверное, мы чего-то не поняли в замысле Божиим, слишком увлеклись служением Ему.

Этьен вспомнил толстых деревянных святых, лишь вышедших из-под резца мастера в новых храмах, и поморщился. Новый вкус ему не нравился.

— Вряд ли она была нужна.

Близилась полночь, и в толпе горожан появились новые фигуры. Легкие, полупрозрачные. Мертвые веселились вместе с живыми. Только никто их не видел, кроме эльфа и святого, да еще духа мертвой девушки.

Нет, видел!

— Как ты сбегал с костра, Жан Мизерабль?

Один из призраков усталился на канатоходца, поднял с земли призрачный камень и запустил его вверх. Камень пролетел сквозь тело циркача, словно тот был бесплотен, но Жан вскрикнул, пошатнулся и сорвался вниз. В последний момент поймал канат и повис на руке.

Этьен поднял голову на крик, и капюшон сполз с его головы. Призрак повернулся к нему и расхохотался:

— И ты здесь, эльф? Колдун пришел посмотреть на колдуна! Слово услышав это, несколько горожан тоже повернулись к Этьену.

— Смотрите-ка! Эльф!

— Хватайте колдуна! Это эльфы наслали чуму!
И толпа, вмиг ставшая яростной, двинулась к Этьену. Он сбросил плащ, более не скрывавший тайны, отступил на шаг и вынул меч.

— Убери! — прозвучал рядом голос отца Дидье. — Не совершай греха.

Этьен не послушался, но отступил еще на шаг. Марин пряталась за его спиной. Священник вышел вперед и загородил их от толпы.

— Отойди, святой отец! — угрюмо приказал пожилой горожанин. А рядом с ним вился призрак, запустивший камнем в канатоходца, и нашептывал ему слова, а призрака уже держал за руку бес.

— Отойди!

— Вы отойдите! Эти юноша и девушка ничего вам не сделали!

— Юноша и девушка? — рассмеялся горожанин, и отец Дидье увидел, что злобный призрак вошел в него и стал с ним одним. — Ваш юноша — эльфийский колдун двух веков от роду, а девушка давно мертва.

И толпа двинулась на священника. И призраки один за другим сливались с людьми, искажая яростью их лица. И хохот бесов, подобный грохоту обвала, но слышимый только эльфом и святым, ревел над толпой.

Этьен бросился на помощь, но не успел. Священника сбили с ног. И он упал под ноги толпе.

Эльф нанизал на меч первого нападавшего. Обычно это сразу отрезвляет чернь. Но не на этот раз. Слившийся с ним призрак получил свободу и слился со следующим.

Этьен убивал. Толпа напирала и шла по трупам. Его неуклонно прижимали к стене. Места для маневра не осталось. Искаженные, нечеловеческие лица. Он попытался отступить еще и поскользнулся на крови. Хотел увернуться, но кто-то яростно ударил его в бок, и он выронил меч. Еще один удар. Теперь в живот. Он согнулся от боли и упал под ноги толпе. Чей-то сапог прошелся по его груди.

— Марин!

Девушки нигде не было.

Он уже терял сознание, как вдруг все кончилось. Рядом засиял костюм циркача, красные и оранжевые ромбы на белом фоне.

— Вы знаете, кто я, — звучал голос канатоходца. — Вы видели, как я вышел из огня. Так и вы выйдете из этих людей!

Прошло сорок дней. Этьен и Марин нашли приют в доме Жана-циркача. Точнее, на его чердаке. Но привередничать не приходилось: эльфа разыскивали как убийцу.

Поминали отца Дидье. Он погиб под ногами толпы, и его похоронил канатоходец. От Этьена тогда было мало толка. Циркач почти две недели выхаживал его на своем чердаке. И только Марин осталась невредима, словно происшедшее не коснулось ее вовсе. Толпа отхлынула, и она возникла рядом с раненым возлюбленным. Как призрак. Да она и была, в сущности, призраком.

— А что ты говорил об огне? — полюбоствовал эльф, когда пришел в себя и исчерпал слова благодарности.

Канатоходец улыбнулся:

— Меня пытались сжечь во время чумы. За колдовство. Но, когда запалили костер, я подумал, что это костер моей любви к Господу, который горит внутри меня. А теперь его разложили вокруг. Ну и что? И огонь не тронул меня, только пережег веревки. А дым не причинил вреда. Господь явился мне, взял меня за руку, свел с костра и провел через толпу. Никто не посмел меня тронуть. И мне была дарована власть изгонять бесов. В городе говорили, что я избежал смерти с помощью дьявола, но ничего не предпринимали. Ведь один человек мечтает сжечь другого, только если бес стоит за его плечом и нашептывает ему эти мысли прямо в ухо. А я изгонял бесов.

ЛИТЕРАТУРНЫЕ СТРАНИЦЫ

Допивали бутылку вина в память отца Дидье. Довольно хорошего бордо (иногда циркачам неплохо подают).

— Пойдемте, здесь неподалеку есть вполне приличный кабак, — предложил Жан. — Это безопасно.

Они пересекли Сену и оказались в Латинском квартале, во владениях Парижского университета, неподвластных ни королю, ни епископу.

Кабак назывался «Кошачий хвост». Вотчина студентов и поэтов.

Сели за выдавший виды дубовый стол под чадающим факелом и заказали еще бордо и курицу. Вскоре к ним подсел человек. Монах в белой рясе с низко надвинутым капюшоном. Они не посмели возразить. Только Марин крепче прижалась к эльфу.

— Да, я за тобой, девочка.

И он откинул капюшон. Отец Дидье, только моложе. И внутренний свет в глазах, не менее ярких, чем глаза эльфа.

— Меня послали за тобой. Мне это удалось не так просто. Пришлось похлопотать. — Он улыбнулся. — Но торопись. За дверьми стоит другая стража. Верни Этьену кольцо.

Эльф в отчаянии посмотрел на священника.

— А за меня вы не похлопочете, отче? — Потом перевел взгляд на канатоходца. — Здесь двое ходатаев на одного просителя.

Жан отвел глаза:

— Я пока занимаюсь земными делами.

— А вы, отче?

— Я думал, ты продолжишь мое дело здесь, — сказал отец Дидье.

— После убийства двух десятков горожан?

Священник положил руку ему на плечо. Невесомую и струящуюся светом.

— Не надо. Служение стоит дороже просьбы о милости.

Этьен молчал. Марин уже сняла кольцо и положила на его ладонь. Он сжал пальцы в кулак. А девушка снова стала бесплотной, и каменные стены зала проступили за ней.

И тогда он резко раскрыл ладонь и надел кольцо. Побледнел, губы дрогнули, разошлись в улыбке. То ли победной, то ли беспомощной, но уже мертвой. И глаза утратили свет.

Священник резко вскочил, бросился к нему.

Иногда смерть является прекрасной, дабы обмануть тех, кого хочет увести за собой.

Жан нащупал артерию у него на шее и покачал головой. Отец Дидье вздохнул:

— Они могут выбирать момент своей смерти.

— Те, кто принял крещение, — нет, — возразил канатоходец.

— Могут, но не должны. Присягнувшие служат, даже если теряют любимых.

— Я похороню его в его семейном склепе. А ты? Ты ему поможешь?

— Если смогу. Он не оставил мне выбора.